

«Через 10–15 лет миграция будет совсем другой, и мы будем по-другому ее изучать» (<https://republic.ru/posts/89675>)

Лекция антрополога Сергея Абашина о том, как понимать миграцию

Что такое миграция? Что происходит с идентичностью человека мигрирующего и как ему помочь? Кто в России считается и является на самом деле мигрантом и как будет меняться миграционная ситуация? Обо всем этом рассказывает профессор факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге Сергей Абашин. Лекция прочитана в рамках Зимней дискуссионной школы GAIDPARK-2018, организованной Фондом Егора Гайдара.

На первый взгляд, мы все понимаем, кто такие мигранты, у нас в головах есть некая очевидность этого определения. Но при внимательном рассмотрении оказывается, что никакой очевидности нет, все рассыпается. Оказывается, что существует не одно, а множество разных определений, каждое из которых погружено в определенный контекст, нагружено политическими и эмоциональными коннотациями.

Кто такой мигрант

Начнем с определения миграции, которое дано Международной организацией по миграции (МОМ) – самой главной официальной структурой, занимающейся мигрантами. «Миграция – это процесс передвижения населения через международную границу либо в пределах страны. Миграция охватывает любой вид перемещений, независимо от их продолжительности, состава и причин; миграция включает передвижение беженцев, перемещенных лиц, выселенных людей и экономических мигрантов». Всего два предложения, но в каждом из них, на мой взгляд, есть внутреннее противоречие. «Процесс передвижения населения через международную границу либо в пределах страны» – это ведь любое передвижение. Зачем разбивать формулу на две части – «через международную границу, либо в пределах страны»? Такое же противоречие во втором предложении: «Любой вид перемещения в независимости от продолжительности, состава и причин» – но во второй части уже называются вполне конкретные категории мигрантов – беженцы, перемещенные лица, выселенные люди, экономические мигранты. Для чего нужно было сначала расширить, заявить, что все, что угодно, можно назвать миграцией, а потом сузить до четырех категорий? Конечно, организация занимается практическими вопросами и определенными категориями мигрантов – в основном, международными мигрантами и беженцами, теми, кто испытывает какие-то трудности. И этим определением она подчеркивает, кем и чем она занимается, и при этом говорит, что на самом деле понятие миграции более широкое. Получается, что определение МОМа имеет прежде всего инструментальный характер и описывает те контексты, которые важны для международной структуры.

Какие в это определение встроены признаки, по которым мы все-таки можем узнавать, что есть миграция, а что не миграция? Очевидно, что это - процесс передвижения населения. То есть базовое определение мигранта – это люди, которые двигаются. Но как с ним дальше работать? Мы же все постоянно куда-то перемещаемся. В какой момент наше перемещение становится миграцией? Вот мы пошли на работу или учиться в университет – это тоже миграция? Может быть, необходимо измерять миграцию расстоянием? Километр – это еще не миграция, а пять километров – уже миграция? То есть само слово «перемещение» дает какую-то рамку, но не объясняет, что такое миграция.

Следующий возможный признак миграции тоже встроено в это определение. Не просто перемещение, а преодоление какой-то административной и политической границы, смена правового статуса. С помощью этого определения легко вести статистику, потому что оно связано со статусом, а статусы, особенно на границе,

фиксируются разными органами. Если вы живете в каком-то большом городе, например, в Санкт-Петербурге, и едете в университет, пусть даже целый час, в статистику вы не попадете. Вы не мигрант. Но если вы живете в Ленинградской области и едете в университет, то вы преодолеваете важную административную границу между областью и Санкт-Петербургом – и становитесь, с точки зрения статистика, ученого, аналитика, политика и полиции, мигрантом. При этом вполне возможно, что вы едете всего полчаса. В данном случае имеет значение не само расстояние, а то, что вы преодолели некую границу и получили новый статус.

Это определение приводит к интересным парадоксам. Один из них заключается в том, что граница может меняться. Какую-то территорию включили в состав города – и если раньше вы были мигрантом, то теперь перестаете им быть. Или наоборот. Допустим, русские, которые жили в балтийских советских республиках, не были международными мигрантами, они жили в своей собственной стране. Но Советский Союз распался, политическая ситуация изменилась, бывшие республики стали независимыми государствами – и человек, живущий, например, в Эстонии, вдруг оказался в статусе мигранта с обязанностью проходить процедуру натурализации. При этом он мог физически даже не перемещаться. Смена политического статуса, смена правового статуса делает из него мигранта. Этот фактор интересным образом меняет наши представления о том, как конструируется категория мигрантов.

Следующий признак миграции, которого нет в определении МОМа, но который как бы подразумевается, используется не в статистике и не в правовом режиме, а в повседневных разговорах, СМИ, политических выступлениях. Это – преодоление культурной границы. Все мы думаем или видим, что какие-то территории, какие-то пространства являются культурно своими. Мы как бы соотносим их с собой и по каким-то признакам живущих здесь людей понимаем, что это наше пространство, а те, кто этим признакам – язык, внешность, одежда, поведение и так далее – не соответствует, являются чужими и, значит, мигрантами. При этом неважно, является ли этот «чужой» действительно приезжим или он родился уже здесь, на «нашей земле», он приобретает статус мигранта просто по факту своего узнаваемого или предполагаемого культурного отличия. Допустим, арабы во Франции. Наверняка вы читали в СМИ, как мигранты, живущие в пригородах Парижа, в очередной раз жгут машины и безобразничают. Их называют при этом мигрантами. Но ведь арабы, живущие в пригородах Парижа, родились во Франции, они имеют гражданство Франции, они говорят на французском языке. Их называют мигрантами не потому, что они откуда-то приехали и сменили свой статус. Их называют мигрантами потому, что они определяются как культурно другие – арабы, мусульмане, еще как-то. Набор разных культурных стереотипов определяет их как чужих.

Очевидным аналогом у нас могут служить события в карельской Кондопоге. В городе произошел конфликт между жителями разных групп – чеченцами и нечеченцами. Вокруг этого сразу поднялся шум, в СМИ этот конфликт подавался как проблема миграции. Но когда мы начинаем задумываться над этой ситуацией, то понимаем, что в этом городе практически все – приезжие. Там нет или почти нет жителей, у которых предки жили на этой территории. Чеченцы – приезжие, русские – приезжие. Но этот город культурно апроприирован сегодня как русская территория, и в ней мигрантами считаются не все приезжие, а только определенные категории, в частности, кавказцы. Как арабы во Франции. Им навешивается ярлык, и дебаты разворачиваются только вокруг них, они мигранты, а все остальные – местные жители. Эта ситуация именно пример культурного определения, кто такой мигрант.

Здесь мы уже напрямую соприкасаемся с вопросом идентичности. Кто кого определяет как мигранта, и кто себя сам определяет как мигранта? В данном случае это становится ключевым фактором в конструировании категории мигранта. Не только правовые статусы и не только физическое перемещение человека, а именно определенная культурная принадлежность и культурный облик, который воспринимается как чужой.

Таким образом, среди всех этих способов определения миграции нет правильного. В разных контекстах, в разных ситуациях категория мигранта определяется с помощью разных признаков. То есть на практике все эти факторы работают как бы одновременно. Полиция может определять по правовому статусу – есть у тебя регистрация или нет. СМИ – по культурному фактору, в бытовом отношении – приехали издалека или нет. Из этих разных контекстов создается наше представление о мигрантах, которое, как мы видим, может быть очень изменчивым и неопределенным.

...

Что происходит в России

Попробуем с точки зрения этих определений и моделей посмотреть на российскую миграцию. Как мы вообще понимаем, что человек – мигрант? Что его отличает как мигранта? Если мы посмотрим фотографии мигрантов, которые обычно циркулируют в СМИ, то увидим, что акцент делается на его культурных и социальных чертах: рабочая одежда, загар, «неславянское» испуганное лицо и так далее. Но если мы начинаем задумываться над каждой из этих черт – могут ли быть в России граждане с «неславянскими» лицами? Да сколько угодно! Могут ли быть в России собственные граждане в рабочей одежде? Опять же, сколько угодно. И когда вы сами встретитесь с полицейским, вы тоже будете слегка испуганы. То есть, глядя на мигрантов, мы сразу понимаем, что это они, но эта очевидность, эта данность конструируется из определенных представлений, существующих в нашем обществе, о том, что мигранты должны социально и культурно выглядеть как «чужие», «другие». Причем я хочу подчеркнуть эту двойную стигматизацию – культурную и социальную.

Интересно в этой связи, что количество выходцев из Средней Азии, которых мы обычно описываем как мигрантов, примерно такое же, как количество выходцев из Украины, Беларуси, Молдовы. То есть вообще количественно мигранты из Средней Азии не являются каким-то большинством. Но на фотографиях и в разговорах о миграции вы увидите и узнаете почти исключительно именно их. Украинцы и белорусы либо не опознаются – культурно – как мигранты, даже имея такой статус с точки зрения законодательства, либо будут упоминаться в качестве мигрантов изредка, в определенных, опять же, контекстах, например, при обсуждении политических конфликтов России с Украиной и Беларусью. Но я хочу обратить внимание на то, что миллиардера Алишера Усманова, родом из Узбекистана, тоже никто не называет мигрантом-гастарбайтером. В данном случае имеет значение уже его социальный статус, а не происхождение, внешние черты лица или культурный багаж. Категория «мигранты-гастарбайтеры» работает, как правило, там, где есть довольно жесткие социальные границы, когда с точки зрения нашего восприятия самих себя как среднего класса мы смотрим немного свысока или немного со стороны на людей других классов. Для нас мигранты ассоциируются, таким образом, преимущественно с выходцами из Средней Азии, причем не всеми, а в основном с теми, кто занимает социально низкие ниши в российском обществе.

Как мы обычно обсуждаем современную миграцию в Россию? Чаще всего эта дискуссия разворачивается примерно в таком ключе: «они» – имеются в виду, конечно, среднеазиатские мигранты – скоро наводнят страну, «захватят»,

«оккупируют», поэтому нужно – что? – либо их максимально ограничить и депортировать, либо ассимилировать и интегрировать. Насколько точно и полно этот набор клише описывает характер миграционных процессов? О том, что при этом мы часто забываем о мигрантах из других стран, я уже упомянул. Но давайте все-таки посмотрим на то, что собой представляет миграция из Средней Азии.

Начну издали. Средняя Азия на протяжении последних 150 лет входила в состав одного с нами общего государства – сначала Российской Империи, а потом Советского Союза. И на протяжении большей части XX века миграция совершалась совершенно в другом направлении. То есть русские, украинцы, немцы и представители других народов, которые жили в европейской части империи и СССР, ехали в Среднюю Азию. Отчасти это было связано, особенно в первой половине XX века, с тем, что рождаемость в европейской части была гораздо выше рождаемости в Средней Азии. Людей много, работы мало. Потом была депортация, потом война и эвакуация, потом промышленное строительство, которое тоже требовало дополнительных рабочих рук. Много выходцев из России жили в Средней Азии. В этой перспективе интересно подумать, в частности, по поводу ассимиляции и интеграции – что происходило с нашими предками, когда они туда приезжали, какого рода интеграция происходила при этом?

Обратная миграция началась в 1970-е годы и была связана с тем, что в европейской части СССР стало больше горожан и упала рождаемость, а в преимущественно сельской Средней Азии она, напротив, возросла. Теперь уже там возникло избыточное давление на рынок труда, и поток миграции пошел в сторону России. Популярная теория миграции говорит о том, что миграция определяется соотношением имеющегося количества рабочих мест и зарплаты с количеством работников, на эти места и зарплату претендующих. Если количество рабочих рук в силу демографии и слабости экономики большое, то происходит неизбежное вытеснение их части в регионы и страны с меньшим количеством рабочих рук и с более сильной экономикой. Все это мы видим на примере миграции из Средней Азии, и эта закономерность была замечена еще в 1980-е годы.

Я напому тем, кто забыл и кто не знает, что уже в советское время фактически началась трудовая миграция жителей Средней Азии в Россию. Существовали, например, военно-строительные войска, куда их набирали служить и отправляли строить в том числе гражданские объекты, к той же Олимпиаде 1980 года. Были так называемые лимитчики – люди, которые приезжали как вахтовые рабочие, год-два работали на заводах, потом уезжали домой. Наконец, в 1980-х годах была принята целая программа переселения из Средней Азии в сельскую местность России – таким образом власти хотели поднимать местные совхозы и поддерживать сельское хозяйство. Сегодня мы эту предысторию не помним, в том числе потому, что тогда речь шла о внутренней миграции и гражданах одной страны, и эта миграция не рассматривалась публично как проблема и угроза.

Резко изменил ситуацию 1991 год. Жители Средней Азии стали иностранными гражданами и сразу попали в категорию мигрантов со всеми проблемами получения статуса в другой стране. При этом экономический и политический кризис 1990-х подтолкнул и ускорил миграционные процессы. Распад СССР породил поначалу массовую этническую миграцию. Когда бывшее мультинациональное пространство разделилось на национальные государства, и люди должны были каким-либо образом определять, к какому государству они принадлежат, многие русские поехали в Россию, немцы в Германию, евреи в Израиль и так далее. С 1992 по 2009 год в качестве эмигрантов из Средней Азии (не считая Казахстан) в Россию переехало больше двух миллионов человек – в основном это были русскоязычные жители бывших среднеазиатских республик,

которые решили принять российское гражданство. Это была массовая этнически окрашенная миграция, и ее особенность заключалась в том, что уезжали навсегда, уезжали семьями и уезжали горожане. Русские, приехав в Россию, здесь столкнулись с некоторым отчуждением, про них говорили, что они «понаехали», на нас не похожи, привозят какие-то другие привычки и забирают у нас рабочие места. Но поскольку культурные и социальные различия между приезжими и местными были не очень существенными, тогдашние мигранты довольно быстро ассимилировались и интегрировались, статус мигрантов за ними в общественном мнении не закрепился, и сейчас уже практически невозможно догадаться, кто жил в Средней Азии, у кого там жили родители, кто приехал оттуда.

В 2000-е годы структура миграции меняется. После кризиса 1998 года в России начинается довольно интенсивный экономический рост. А что такое экономический рост? Открываются новые предприятия, для этого нужны рабочие. Однако существует дефицит рабочей силы, и этот дефицит компенсируется отчасти внутренней, отчасти внешней миграцией. И в Россию приходит довольно большой поток среднеазиатской миграции. Пиковые годы – 2013–2014-й. В это время на территории России одновременно находилось более 4 млн человек из трех стран – Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. Понятно, что не все они трудовые мигранты. Это могли быть работники посольств, студенты, дети, еще кто-то. Но это цифра, которая показывает нам масштаб явления. И в основном это была все-таки трудовая миграция.

Какова особенность этой трудовой миграции? Люди приезжают, чтобы заработать деньги и отослать их домой. В 2013 году они заработали здесь почти \$13 млрд и отправили в свои страны. Эти люди не приезжают, в отличие от миграции 1990-х годов, чтобы остаться здесь навсегда. Миграция обусловлена временной вахтенной работой, которая иногда, конечно, затягивается на многие годы. Эта трудовая миграция имеет определенную возрастную структуру, то есть уезжают не семьями, а уезжают в основном молодые мужчины. Женщин не очень много. Из Узбекистана и Таджикистана приезжает примерно 17% женщин, 5–7% – это дети, относительно немного. Мигранты сохраняют тесные связи с родиной и домашними, посылают им деньги, постоянно звонят, обсуждают с ними свои проблемы по телефону, время от времени возвращаются.

Существует ли собственно эмиграция из Средней Азии? Да, она существует. Перепись 2010 года, хотя это не очень хорошая перепись, но других данных у нас нет, показывает число этнических групп и принадлежащих к ним людей, которые постоянно проживают в России. Тогда этнических киргизов, таджиков и узбеков было 600 тысяч человек. Четыре миллиона трудовых мигрантов – и 600 тысяч, которые получили российское гражданство и которых можно считать иммигрантами. За последующие семь лет число последнихросло примерно на 100–200 тысяч человек. Такой порядок цифр.

В 2014 году, в момент начала экономического кризиса в России, заработки мигрантов упали. Если посмотреть на переводы, то было \$13 млрд, а в 2016 году осталось около \$6 млрд. Соответственно, произошел отток мигрантов. Когда мы думаем о мигрантах, мы полагаем, что они все к нам только приезжают, их становится все больше и больше. Но это не так. Увеличивается только количество мигрантов из Кыргызстана, что связано с вхождением этого государства в Евразийский союз. Миграция из Таджикистана и Узбекистана довольно сильно уменьшилась в 2015–2016 годы и лишь немного восстановилась в 2017 году. Сейчас в России одновременно находится около 3 с небольшим миллионов граждан стран Средней Азии. Меньше, чем в 2014 году. То есть трудовая

миграция имеет не линейный характер, а циклический. Она сильно зависит от состояния рынка труда, демографии и так далее.

Какие выводы можно сделать из этой истории и этих цифр, возвращаясь к трем моделям – ассимиляции, интеграции, транснационализации? Массовая миграция из Средней Азии сегодня имеет в основном транснациональный характер и должна описываться в основном в логике этой модели. Люди живут на две страны. Люди постоянно между странами курсируют. У них сохраняются тесные связи с домом. Они часто уезжают из России домой или уже в другие страны. То есть это мобильная группа населения, очень мало привязанная к России. Но одновременно существует иммиграция. Она пока что не очень большая – 800 тысяч человек на всю Россию. Но она есть. И количество выходцев из Средней Азии, которые становятся иммигрантами, приезжают сюда с семьями, получают российское гражданство и здесь остаются, постепенно увеличивается. И оно будет увеличиваться дальше. По отношению к этой категории мы вполне можем думать в понятиях ассимиляции или, по крайней мере, в понятиях интеграции. Как эти люди встраиваются, во что они встраиваются, в какие части общества и какие идентичности они принимают?

Российское общество довольно сложно устроено и быстро меняется, и миграция тоже довольно сложно устроена и быстро меняется. Мы вполне можем представить, что трудовая миграция будет постепенно спадать, а количество иммигрантов будет постепенно увеличиваться. И, условно говоря, через 10–15 лет миграционная ситуация может быть совершенно другой, и мы будем по-другому ее изучать. Но главное, что мы должны видеть – это разнообразие и сложность. Мы не должны аналитически, экспертно, интеллектуально видеть какие-то простые схемы, данности, очевидности, а должны разбираться в них.

Republic, 24 февраля 2018 года